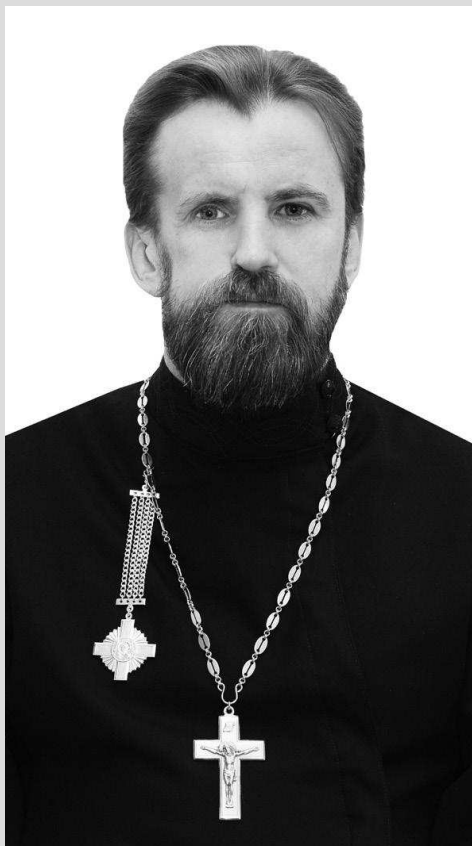

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ЕЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА): КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Доцент протоиерей
Феодор КРИВОНОС

Белорусский государственный университет (исторический факультет) — 1985; Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 2001; Минская духовная академия, кандидат богословия — 2007; доцент — 2011.

После того, как в результате трех разделов Речь Посполитая прекратила свое существование и белорусские земли были присоединены к Российской империи, в местной церковной жизни наметились некоторые улучшения. Католики и базилиане отчасти присмирели в своей нерасположенности к православным верующим. Был положен конец безумной шляхетской анархии, пагубно влиявшей не только на состояние гражданской жизни, но и церковной. Правительство Екатерины (1762-1796) продолжило процесс воссоединения униатов с православными, который принес, хотя и незначительные, но все же результаты. В Могилевской и Полоцкой губерниях в 1795 г. к Православной Церкви было присоединено 105 униатских храмов, 34 священника и около 120000 прихожан¹. В Минской губернии в 1795-1796 гг. в православие перешло 124 униатских храма, 15 священников и около 85000 прихожан².

Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве своем униатское духовенство не спешило оставлять унию. Этому способствовало то, что к концу XV в. оно оказалось сильно полонизированным и латинизированным. Кроме того, к возможному переходу униатского духовенства в православие негативно относились местные землевладельцы-католики, различными способами препятствовавшие этому.

Начиная с 1796 г. процесс воссоединения прекратился в пределах Могилевской губернии и продолжался только в Минской. «В 1796 г. здесь воссоединилось 6 приходов с 3 тыс. душ; в 1797 г. — 22 прихода с 15 тыс. душ; в 1799 г. — 2 прихода с 1 тыс. прихожан; В 1803 г. присоединился только один приход с 1 тыс. душ»³.

После завершения процесса воссоединения униатов с православными в Могилевской епархии в начале XX в. действовало 385 приходских церквей⁴. В Минской по сведениям на 1810 г. имелось 273 приходских храма⁵. В обеих епархиях функционировало около 30 небольших монастырей. Для сравнения: в Полоцком униатском архиепископстве в это время насчитывалось 445 греко-католических парафий, в Брестском епископстве — 802 парафии⁶.

Общее состояние местной церковной жизни в это время оставалось крайне неудовлетворительным. Православное духовенство во многих случаях по прежнему отличалось низкой образованностью. Помещики, католики по вероисповеданию, не заботились о благосостоянии церквей, находившихся в их земельных владениях. Священники выживали за счет того, что имели в своем распоряжении наделы земли и сами их обрабатывали. В отличие от ксендзов, у них только при отдельных, крайне немногочисленных храмах, имелись крепостные⁷. Ксендзы же владели десятками тысяч крепостных белорусских крестьян⁸.

Менее благоприятная ситуация для православных верующих новоприсоединенных к России территорий сложилась в годы царствования императора Павла (1796-1801) и его сына Александра (1801-1825).

Стремившийся во всем проводить политику, противоположную екатерининской, Павел стал оказывать высочайшее покровительство католикам, а униатов полностью игнорировал. Этим воспользовались латиняне. Когда в 1798 г. в Петербурге был создан Римско-католический департамент (с 1801 г. — р.к.коллегия), в его состав не попало ни одного представителя от униатов, подчиненных этому высокому учреждению. По замечанию А.П. Сапунова, «такого важного шага (чтобы униатская церковь

управлялась латинской иерархией) никогда не могла достигнуть Польша»⁹.

Этот непродуманный шаг привел к горьким последствиям. Воспользовавшись благожелательностью императора Павла, и оказавшись фактически «управителями» униатов, католики совместно с местной полонизированной шляхтой, развернув широкую пропаганду среди населения, сумели перевести в латинство десятки тысяч оставшихся в униатстве белорусов. «В 1803 г. в одной только Полоцкой униатской епархии совращено было в католичество до 100 тыс. прихожан»¹⁰.

С протестом против этих совращений выступил полоцкий униатский архиепископ Иракий (Лисовский) (1784-1809). По его настоятельным просьбам в 1804 г. в Римско-католическую коллегия (б.департамент) было введено 4 представителя от униатов, а спустя год коллегия разделили на 2 департамента: один по делам католиков, другой — по делам униатов. Однако униатский департамент мало что смог изменить в сложившейся ситуации, потому что его члены «должны были представлять свои дела в общее собрание коллегии, где латинское большинство... уничтожало все униатские распоряжения, направленные против латинян»¹¹.

Тем не менее, Иракий (Лисовский) продолжил борьбу за сохранение восточного обряда в униии и церковно-славянского языка ее богослужения. Он отчетливо понимал намерения латинян, стремившихся к полному растворению униатов в римокатолицизме. Его главными противниками являлись иезуиты и базилиане. «Хорошо знаю, — писал он в этой связи, — что римляне по отношению к нам имеют дурные замыслы, их постоянные преследования униатов направлены к одной цели — к нашему порабощению»¹². Эти слова вполне оправданы, если учесть, что базилиане нещадно утесняли белое униатское духовен-

ство. В конце XV ст. в их пользовании находилось в 17 раз (!) больше имущества и земель, чем у представителей белого клира¹³. Кроме того, базилиане чинили всевозможные препятствия получению низшим униатским духовенством должного образования¹⁴. Эти противоречия между базилианами и белым клиром выливались в начале XX в. в довольно острые конфликты.

Любопытно, что совершив паломничество во Святую землю, Иракий (Лисовский) возвратился в Белоруссию с отпущенной бородой и в рясе, что было совершенно непривычно для униатов¹⁵. По его распоряжению в 1806 г. в Полоцке открыли семинарию для подготовки белого униатского духовенства. Как отмечал Г.Я.Киприанович, «в церквах он заводил православные порядки, сам служил по архиерейскому служебнику московского издания и старался внушить своему духовенству, что обряды и церковные книги в Униатской Церкви — те же, что и в Церкви русской»¹⁶.

К сожалению, и после выделения в Римско-католической коллегии униатского департамента соращения униатов в латинство еще некоторое время продолжались с немалой силой. По подсчетам П.О. Бобровского, в период с 1805 по 1814 г. из унии в латинство было переведено более 200000 белорусских крестьян¹⁷.

Трудно сказать сколько всего белорусов оставило тогда унию. Не подлежит сомнению только то, что в конце XV — начале XX вв. тех, кто перешел в западнорусских землях из унии в латинство было больше, чем тех, кто в этих же землях из унии обратился в православие.

Этому способствовало не только существовавшее тогда крепостное право, в условиях которого действовал принцип «чья земля — того и вера», но также непоследовательная политика, проводившаяся русским правительством по отношению к полякам. Она,

по-прежнему, была основана на заигрывании с ними, так как в лице местной магнатории и шляхты императорская власть стремилась обрести социальную опору для управления присоединенным краем. Как показало вскоре развитие событий, это политика оказалась недальновидной, способствовавший еще большей полонизации и латинизации белорусского общества.

Главную «скрипку» в дерусификации белорусов-униатов в начале XX ст. играл князь Адам Чарторыйский, в 1803 г. назначенный Александром попечителем Виленского учебного округа. Центром округа стал Виленский университет, созданный на основе ранее существовавшей иезуитской академии. Он объединял множество поветовых училищ и школ, разбросанных по самым разным белорусским городам. Преподавание в них велось на польском языке в духе всяческого превозношения того, как хорошо жилось в Речи Посполитой.

Самыми деятельными помощниками Чарторыйского в деле полонизации униатов через учебные заведения округа выступили пиары и базилиане. Среди последних преимущественное большинство составляли католики латинского обряда, занимавшие практически все руководящие должности в базилианском ордене. Поэтому этот орден являлся значительной преградой в деле сближения униатов с православными¹⁸.

Летом 1812 г. Белоруссия была оккупирована французами, совершавшими свой поход на Москву. В городах были созданы временные комиссии, состоявшие из поляков, которые занялись ограблением крестьян ввиду необходимости скорейшего обеспечения наполеоновской армии продовольствием и фуражом. Различные деятели из этих комиссий с особой враждебностью относились к православным верующим. По их вине в Белоруссии в это время были подвергнуты разрушению

и поруганию многие церкви и монастыри. При ограблении православных храмов особенно неистовствовали военные из польского корпуса генерала Юзефа Понятовского.

Одним из первых горестным положением православных верующих поспешил воспользоваться римско-католический епископ Яков Дедерко. После того, как 27 июня французы захватили Минск, он занял помещения Архиерейского подворья, разграбил его, и распорядился перестроить действовавшую при подворье Свято-Успенскую церковь под костел. В дальнейшем «Дедерко, разъезжая с французским отрядом по уездам Минской губернии, возмущал народ, подговаривал молодежь вступать в армию Наполеона, отказавшихся от этого подкупал деньгами или угрожал проклятиями...»¹⁹.

Акт вандализма в Витебске, вскоре после его захвата, совершил Наполеон Бонапарт. Он приказал снести до основания строящуюся там Преображенскую церковь, так как она мешала бы при проведении намечавшегося шмотра, который он устроил своим войскам на главной площади города.

Прискорбный случай произошел в Могилеве. 14 июля 1812 г. в Свято-Иосифовском кафедральном соборе вместе со всеми членами консистории Наполеону присягнул местный архиепископ Варлаам (Шишацкий) (1750 — 1820)²⁰. К принятию присяги он заставил прибегнуть многих представителей духовенства своей епархии.

За время войны 1812 г. от оккупантов и их приспешников особенно сильно пострадали православные монастыри. В Виленском Св.-Духовом захватчики устроили конюшню. Полному разорению подвергли: Брестскую Св.-Симеоновскую, Слуцкую Св.-Троицкую, Полоцкую Богоявленскую, Витебскую Маркову обители. В Минском Св.-Петро-Павловском кафедральном со-

боре они разместили продовольственный склад; в Св.-Екатерининской церкви на Немиге — военный лазарет; в кладбищенской Марие-Магдалининской церкви — пороховой склад. В Витебском Св.-Успенском соборе французы оборудовали военный госпиталь; в Св.-Борисо-Глебской церкви города устроили склад пороха и снарядов; в Воскресенском храме — склад сена и соломы.

В Могилевской епархии захватчики уничтожили 5 храмов, разграбили 41 церковь. В Минской епархии уничтожили 9 храмов, разграбили 23 церкви. Кроме того, ими было сожжено и разграблено 95 приходских домов. Разорению подверглись духовные семинарии в Могилеве и Слуцке. За военный год количество прихожан в белорусских епархиях уменьшилось на четверть²¹.

Казалось бы, что после окончания войны 1812 г., в которой самое активное участие приняли поляки, русское правительство должно было существенно ограничить их участие в общественной жизни империи. Но этого не произошло. Поляки были прощены и вновь развернули кампанию по денационализации белорусов-униатов через учебные заведения Виленского округа. Эта кампания безоглядно продолжалась до вступления на престол императора Николая (1825-1856).

Только в конце 20-х гг. царские власти вновь решились начать процесс воссоединения. Возглавил это движение за ликвидацию унии епископ Иосиф (Семашко) (1799-1868). В 1827 г. он подал на Высочайшее имя записку «О положении униатской в России церкви и средствах возвратить оную в лоно православной церкви». В этой записке излагалась программа мероприятий, которые должны были привести к ликвидации унии. «В ней подчеркивалось, что униатское духовенство мало чем отличается от католического: носит такую же одежду, служит с раз-

решения Папы Римского в одних и тех же храмах; вместо древних греческих обрядов введено много римских; в большинстве церквей нет иконостасов, а есть органы. «Остался единственной почти отличительной чертой славянский язык в богослужении употребляемый, — писал И. Семашко, — однако и тот ежедневно искажается и неохотно употребляется». Народ учили важнейшим молитвам на польском языке, и поэтому не осталось практически никаких преград к окончательному слиянию униатов с католиками»²².

Упразднение унии ускорило польское восстание 1830—1831 гг. Активное участие в нем приняла не только полонизированная шляхта, но и многие члены базилианского ордена. После прекращения мятежа был положен конец полонизаторской деятельности Виленского университета, который прекратил свое существование. Тогда же закрыли целый ряд базилианских монастырей.

В апреле 1833 г. была восстановлена древнейшая в наших землях Полоцкая православная кафедра.

Деятельными помощниками епископа Иосифа (Семашко) в это время выступили: ректор Литовской духовной семинарии прот. Антоний Зубко, прот. Василий Лужинский, прот. Михаил Голубович, впоследствии ставшие епископами. С 1834 г. в униатских храмах начали вводить (ранее упраздненные) иконостасы, православную церковную утварь и облачения, богослужебные книги московской печати. Параллельно шла работа по удалению из жизни униатского духовенства латинских обычаев в богослужении и обыденной жизни. В 1831 г. униатскому духовенству запретили служить в костелах. Все эти меры осуществлялись постепенно, с учетом той инерции, которую приходилось преодолевать русским властям со стороны местных помещиков и униатского клира.

Очень важно понять саму обстановку, в которой пришлось понести бремя архиерейских трудов приснопамятному владыке Иосифу. Ко времени составления им своей знаменитой записки 1827 г. о важности упразднения унии она была полонизирована настолько, что многим казалось немыслимым предпринимать что-либо для ее ликвидации. В среде униатского духовенства за редчайшим исключением везде звучал польский язык. Типографии базилианского ордена издавали богослужебные книги на польском. Греко-католическое духовенство отвратительно плохо знало церковно-славянский язык, и когда служило на нем, совершало частые ошибки. До 1833 г. русский язык изучался в учебных заведениях Беларуси как язык иностранный²³. Сохранившиеся каталоги некоторых библиотек учебных заведений того времени почти не содержат в себе упоминаний о книгах на церковнославянском или русском языках²⁴.

Интересные сведения о языковой ситуации в униатстве первых десятилетий XX в. можно почерпнуть из донесений архиереев в Святейший Синод, составлявшихся в 30-е гг.

Так епископ Минский Евгений (Бажанов) в своем донесении от 28 апреля 1834 г. отмечал: «... по собранным мною доселе местным сведениям, униаты в своих епархиях производят все церковные дела... ведут метрики и исповедные росписи, записывают брачные обыски и прочее на польском языке; одни только из униатских консисторий указы пишутся на русском языке; а деканы, или благочинные униатские, как сами рапортуяют своим консисториям о получении указов, так и к исполнению предписывают подведомственным себе священно- и церковнослужителям, и прочие делают распоряжения на польском языке... Ставленнические грамоты, сколько можно видеть из дел консистории, пишутся то на латинском, то на польском языке...»²⁵.

Другой архиерей, полоцкий архиепископ Смарагд (Крыжановский) в том же 1834 г. высказывал схожие соображения: «По замечаниям, учиненным мною, — писал он в Синод, — оказывается, что все дела по Белорусской униатской консистории производятся ныне на русском языке. Но от низших инстанций, т.е. от деканов, передаются распоряжения оной духовенству большей частью на польском языке... брачные обыски или экзамены... производятся на польском языке. Прочие церковные дела, как-то: документы на церковное достояние, визиты деканов, приходно-расходные книги... производятся на польском языке. Польский язык употребляется между униатским духовенством в частной и церковной корреспонденции, потому что некоторые духовные, учившиеся у иезуитов и базилианов, почитавших за стыд говорить по русски, мало знают русский язык... Особенно же вредно для Белоруссии... и несообразно с духом Восточной Церкви сочинение и сказывание униатским духовенством церковных проповедей на польском языке. На Литургии, по чтении Евангелия, бискуп с прочим духовенством выходят на середину церкви, садятся все на стульях и слушают длинную польскую казань, которую накануне изготовил и говорит теперь какой-нибудь клирик... В деревнях нередко произносят такие казани... Там все это выглядит еще более несообразно. Униатские прихожане, говоря одним простым белорусским наречием, сих польских казаней не понимают, ибо все униаты состоят из крестьян и беднейшей шляхты... Сии белорусские крестьяне и шляхта гораздо более разумеют русский, нежели польский язык, на котором говорят им проповеди»²⁶.

Цитированные выше документы достаточно убедительно опровергают взгляды тех наших современников, которые ратуют за возрождение унии сегодня и хотят видеть в ней какое-то особое вероисповедание белорусов²⁷.

Если иметь в виду 20-30-е гг. XX ст., то среди преобладающей части белого униатского духовенства, не говоря уже о базилианах, уния была полонизирована до крайности. Об этом в свое время писал протопресвитер Георгий Шавельский²⁸. Накануне ликвидации унии по-белорусски говорил простой народ и незначительная, беднейшая часть шляхты. Они сохранили свой бытовой говор не столько благодаря помощи со стороны униатского клира, сколько вопреки ему, потому что в кругах представителей этого клира более значимым в рассматриваемый нами период являлся польский язык. Как отмечает современный исследователь Д.В. Лисейчиков: «святары добра ведал беларускую мову, якая аднак успрымалася м як штосьц характэрнае для нжэшых саслоя, што не адпавядала паняццю культурнага чалавека»²⁹.

Не случайно вступивший в 1833 г. в управление Литовской униатской епархией епископ Иосиф (Семашко) подчеркивал в своих записках, что «дела по консистории и переписка с подчиненными властями производились до меня на польском языке»³⁰. Лишь в 1836 г. он сумел ввести в Литовской епархии порядок составления метрических книг на русском языке³¹. Все это давалось непросто, но эксцессов на почве сближения унии с православием епископ Иосиф (Семашко) старался не допускать, придерживаясь того принципа, что «здесь, — как он любил повторять, — не столько нужен каратель, сколько наставник, примиритель и утешитель»³².

Постепенно преодолевая инерцию местного униатского духовенства, епископ Иосиф приближал его к принятию тех устоев, которыми жила Православная Церковь. В условиях жестокого крепостного права, когда магнаты и шляхта делали все возможное для того, чтобы удержать своих крестьян в унии или же перевести их в латинство, очень за-

труднительно было осуществить задуманное. Недоразумения, встречавшиеся при упразднении унии, являлись, прежде всего, следствием той позиции, которую занимали по этому вопросу представители правящего класса местного общества, католики по вероисповеданию. В записке от 3 октября 1837 г., содержащей общую характеристику состояния униатских епархий в Западной Руси, епископ Иосиф (Семашко) отмечал, что «...оставшиеся в пределах Белорусской епархии шестьсот тысяч униатов находятся почти исключительно в имениях и под влиянием польских помещиков и римского духовенства»³³. Естественно, что препятствия на пути упразднения унии чинились не только крестьянам, но также униатскому духовенству. В этой связи один из ближайших сторонников Иосифа (Семашко) епископ Оршанский Василий (Лужинский) в своем донесении от 9 декабря 1838 г., поданном на имя могилевского генерал-губернатора П. Дьякова, писал, что «помещики римокатолики всеми мерами стараются поддерживать унию... Тем священникам о благонамеренности которых они только догадываются, сии помещики отказывают во всякой помощи, необходимой для безбедного содержания...»³⁴.

Наряду с этим, и среди униатского духовенства встречались активные противники воссоединения. Одним из них был ассессор Полоцкой духовной консистории священник Ян Игнатович. Совместно с ректором местной униатской семинарии Шелепиным, ее инспектором Томковидом и профессором-иеромонахом Копецким, Игнатович устраивал ночные собрания для приезжавших в Полоцк священников. Они проходили «...в доме купца-виноторговца еврея Гели. Тут произносились пламенные речи в защиту унии. Агитаторы с чарами в руках возглашали проклятия воссоединителям, здоровье и долгоденствие твердо стоявшим в унии»³⁵.

Таким образом, зерна ненависти к православию, не так давно посеянные иезуитами в стенах Полоцкой униатской семинарии, приносили свои горькие плоды...

И все же уния была упразднена. Торжественный акт, возвещавший о ее ликвидации, был провозглашен в Полоцком Софийском соборе 12 февраля 1839 г. Его подписали 1305 лиц духовного звания. С Православной Церковью воссоединилось около 1.500 000 униатов. За исключением отдельных недоразумений, каких-либо серьезных конфликтов на почве нежелания присоединиться к православию не произошло. Пальцев на руках никому не рубили и в храмы униатские на конях не въезжали...

Несомненной заслугой епископа Иосифа (Семашко) стало то, что упразднение унии было совершено постепенным путем, без излишнего перенапряжения церковно-общественных сил и чрезмерных социальных потрясений. Такая постепенность и корректность в отношении части духовенства, упорно нежелавшего расставаться с унией, свидетельствовала о глубокой человечности и выдающихся административных дарованиях епископа Иосифа³⁶.

Единственным крупным выступлением против перехода из унии в православие стало выступление в Белорусской униатской епархии в 1838 г. 111-ти священников, подписавшихся под прошением на имя императора Николая против намечавшейся ликвидации унии. Их возглавлял все тот же Ян Игнатович. Поданное прошение уважено не было. Около 15 упорно державшихся унии священников выслали в великороссийские епархии. Впрочем, большинство из них смирились со своей участью и вскоре были возвращены обратно³⁷.

Двухсотлетний период насильственного насаждения унии оставил заметный след в жизни белорусов. В середине XX в., не-

смотря на ее ликвидацию, общераспространенным явлением было то, что многие прихожане Православной Церкви все еще сохраняли в обиходе своей религиозной жизни приверженность отдельным униатским обычаям. Они «продолжали креститься по католическому обычаю, знали и читали только польские молитвы...». В семьях недавно перешедших из унии священников часто звучал польский язык, а кое-кто из духовенства вместо подрясников и ряс продолжал носить римско-католические сутаны.

Не менее показательным для состояния церковной жизни было то, что она по-прежнему переживала в это время удручающее запустение. По сведениям А.И. Миловидова, «с 1831 по 1858 гг. разрушилось более 2000 православных церквей, а оставшиеся в помещичьих имениях 1551 церкви находились в самом жалком положении... многие из них за невозможностью совершать богослужения были закрыты»³⁹.

Такое состояние дел проистекало от того, что помещики, как и раньше, не заботились о содержании православных храмов, располагавшихся в их имениях. Эти убогие храмы, на которых аисты иногда вили свои гнезда, подчеркивали материальную нищету белорусского православия.

Незавидной была и жизнь местного духовенства. Земли, которые помещики выделяли в пользование церковным причтам, обычно находились далеко на отшибе и представляли из себя неудобицы. Согласно положению 1842 г., священникам запретили взимать даяния за исполнение треб. Единственным улучшением в жизни духовенства в это время явилось то, что его представителям (с 1842 г.) начали выплачивать мизерное казенное жалованье (от 100 до 180 рублей в год).

В условиях засилия польского помещичьего землевладения, когда основные материаль-

ные богатства края принадлежали римокатоликам, русские власти (как светские, так и церковные) мало чем могли помочь православному духовенству в решении его повседневных, бытовых проблем, и поэтому священники нередко вынуждены были унижаться перед местными помещиками, и тем самым роняли свой авторитет в глазах сельских жителей, своих прихожан.

Серьезные изменения в жизни Православной Церкви Беларуси произошли только после 1863 г., в результате подавления польского мятежа, поднятого сторонниками восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г.

Быстрая победа над мятежниками во многом объяснялась тем, что простой народ в массе своей их не поддержал. Определенную роль в этом сыграло православное духовенство, настраивавшее прихожан против повстанцев, которые олицетворяли собою польских панов. Нерасположенность духовенства к мятежникам вызвала агрессивную реакцию с их стороны. Захватив тот или иной населенный пункт, они повсеместно избивали священников, грабили их⁴⁰, а иногда и убивали.

23 мая 1863 г. восставшие злоумышленники подвергли мучительной казни через повешение настоятеля церкви с. Богушевичи Игуменского уезда отца Даниила Конопасевича⁴¹.

В тот же день был схвачен и повешен напротив собственного дома настоятель церкви с. Сураж Белостокского уезда отец Константин Прокопович. Его обвинили в том, что он принимал у себя русских военных, сражавшихся с повстанцами. Перед смертью священник претерпел немалые издевательства. Отца Константина «...вытащили на двор, всячески понося и ругая, рвали волосы на голове и бороде, били ружьями и дубинками... Едва сохраняющий в себе дыхание и жизнь страдалец успел

только проговорить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»⁴².

1 июня мученическую смерть принял псаломщик церкви с. Святая Воля Пинского уезда Феодор Яковлевич Юзефович. Он убеждал местных крестьян вооружаться против мятежников и следить за их передвижениями⁴³.

3 июля распоясавшиеся повстанцы повесили настоятеля церкви с. Котра Пружанского уезда отца Романа Рапацкого, которому исполнилось всего 33 года. Вместе с ним на том же дереве был замучен до смерти крестьянин Константин Швед⁴⁴.

В общей сложности к осени 1863 г. мятежники убили более 600 мирных жителей, среди которых преимущественное большинство составляли крестьяне⁴⁵.

Усмирением мятежа руководил Виленский генерал-губернатор граф М.Н. Муравьев (1796—1866). Его нередко обвиняют в жестоком подавлении восстания 1863 г., но вот как оценивал деятельность графа М.В. Довнар-Запольский: «Хоць у папяка Мхал Мкалаевч Мура пакну цяжка спамны, якя пакдае памяц кожнага пасташага народа яго цахмарнк, аднак гэта бы адзн з выдатных дзелячо эпох... н валода шырокм ведам, пэным складам думак, веданнем справы, выконваць якую н бы закляканы. Валодаючы вялкм дзяржаным розумам, н брася за выкананне той, або ншай дзяржанай задачы, папярэдне склашы сабе вядомага роду план работы, яе задачы... Як вленск генерал-губернатар н прыня на сябе весь цяжар пастання... Галоную вагу н звярну не на ваенны бок справы, а на цывльнае краванне — на яго рэарганзацыю, на тое, каб знайсц кра элементы, на якя руская лада магла б абAPERЦся. Такм элементам найперш было беларускае селянства»⁴⁶.

М.Н. Муравьев добился того, что крестьяне стали пользоваться большей независимостью по отношению к помещикам, увеличил размеры крестьянских земельных наделов, поднял престиж волостных судов, наделил землю обезземеленных крестьян, на смену пропольски настроенным мировым посредникам назначил русских чиновников, более внимательно относившихся к нуждам сельских жителей.

Мало кто из русских государственных деятелей XV — начала XX ст. сделал так много для облегчения тяжелой доли белорусского крестьянина, как М.Н. Муравьев, справедливо считавший, что поляки под предлогом «восстановления «отчизны» желают только... получить прежние права самоуправления над крестьянами и прочим податным населением, которыми они неограниченно пользовались при Речи Посполитой»⁴⁷.

Такая позиция генерал-губернатора вызывала сочувствие и расположение крестьян. Не удивительно, что, вследствие ее в Бобруйском уезде, к примеру, восстание было подавлено с помощью одних крестьян⁴⁸.

Особое попечение М.Н. Муравьев проявил о состоянии здешних церковных дел. Еще в 1857 г., будучи министром государственных имуществ Российской империи, он распорядился возвести за казенный счет в западнорусских землях 36 храмов и в 56-ти провести капитальный ремонт⁴⁹.

После мятежа по его указанию в пользование православного духовенства были переданы многие земельные угодья из тех, которые изъяли у помещиков, участвовавших в восстании. Причтовые земли для священно-и церковнослужителей начали выделять не где-то на отшибе, а неподалеку от храмов. В 1864 г. по ходатайству М.Н. Муравьева городскому духовенству до 400 рублей в год было увеличено жалованье; сельскому установлено не ниже 220 рублей.

Он создал церковно-строительные комитеты (12 июля 1864 г.), которые за время его пребывания в Белоруссии возвели 98 новых церквей, отремонтировали 126 храмов и церковных строений, построили 63 часовни. Попечением генерал-губернатора в белорусские храмы поступило 2646 облачений, 641 икона, 342 Евангелия⁵⁰. Наконец, благодаря инициативе и поддержке М.Н. Муравьева в Вильно были восстановлены древнейшие православные храмы этого города: Пречистенский кафедральный собор, церкви Святой Параскевы Пятницы и Св. Николая Чудотворца, находившиеся до этого в поруганном состоянии⁵¹.

При деятельном участии военных уездных начальников и мирowych посредников в это время в Белоруссии наметился некоторый отток верующих из католичества в православие. Он был связан с закрытием целого ряда костелов, переосвященных в православные храмы. «По официальным данным, в Литовской епархии перешло в православие в 1865 г. более 4000 католиков, в 1866 г. — свыше 25000 человек, а в Минской епархии за тот же период — около 20000 человек. Наиболее интенсивно обращения происходили в Виленской губернии. К сентябрю 1866 г. там перешло из католицизма в православие до 14000 человек.. Все воссоединенные были белорусами, помнившими по преданиям, что предки их были некогда православными»⁵².

Среди воссоединенных, однако, было немало и тех, кто с большой неохотой менял вероисповедание, подчиняясь при этом или административному давлению со стороны русских властей, или соображениям меркантильного порядка.

Массовые обращения католиков в православие во второй половине 60-х гг. осуществлялись посредством бесплатной раздачи крестьянам казенных земель. Безземельную шляхту, принимавшую православие, освобождали от предстоящего рекрутского набора. «Многие из католи-

ков, уже имевшие свои надель, охотно выдавали подписки с обязательством исповедовать православную веру за прирезку земли к их участкам»⁵³.

Все эти меры были инициированы не М.Н. Муравьевым, а его недалекими преемниками: К.П. фон Кауфманом (апрель 1865 — октябрь 1866 г.) и Э.Т. Барановым (октябрь 1866 — март 1868 г.); «...методы, которые они применяли при обращении католиков в православие в 1866-1867 гг., противоречили тем принципам, которым следовал сам генерал-губернатор»⁵⁴.

С 60-х гг. XIX ст. широкое развитие в Беларуси получила начальная система церковного школьного образования. Она была далека от совершенства, но, тем не менее, являлась шагом вперед по сравнению с той необразованностью, в которой пребывало крестьянство до этого. В этих школах на русском языке преподавались основы чтения, письма, арифметики и Закона Божьего. Польский язык был окончательно вытеснен из официально действовавшей системы образования. «...Перевод школ именно на русский язык обучения был связан не только со стремлением правительства усилить здесь русское влияние, но и с тем, что официально признанного единого белорусского литературного языка в то время еще не было, как не было и белорусских учителей, учебников, белорусских издательств и других составляющих национально-культурной жизни»⁵⁵. Кроме того (и это являлось, пожалуй, особенно важным), в условиях борьбы с полонизацией местного общества конкурентоспособным польскому языку мог быть только русский язык, как более развитый и социально востребованный в сравнении с белорусским. Поэтому «для преодоления доминирующего положения польской культуры с ее высокоразвитым литературным языком народное образование (светское и церковное), по проекту графа М.Н. Муравьева, должно было

строиться на основе изучения русского и церковно-славянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял локальный белорусский в качестве автохтонного наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской коммуникации...»⁵⁶

В 60-е гг. XX в. в Беларуси возникла церковная периодическая печать. В 1863 г. открылся выпуск Литовских Епархиальных Ведомостей; с 1868 г. стали выходить Минские ЕВ; с 1874 г. — Полоцкие ЕВ; с 1883 г. — Могилевские ЕВ; в 1901 г. начали издаваться Гродненские Епархиальные Ведомости. На их страницах было опубликовано немало статей по истории местной Церкви, многие из которых заслуживают внимания и сегодня⁵⁷.

В 1864 г. была образована Виленская Археологическая Комиссия, в состав которой входили, в основном, выходцы из духовного сословия. Комиссия занималась изданием документов по истории Беларуси, среди которых весьма важное место занимали материалы, освещающие историческое прошлое Православной Церкви. За пятьдесят лет своего существования (1864-1915 гг.) Комиссия выпустила 49 томов источников. Среди опубликованных ее сотрудниками документов большое место занимали акты, освещающие историю униатства в Белоруссии. По справедливому суждению Д.В. Лисейчикова: «Виленская Археологическая Камся шмат зрабла для публкацы крынц па гсторы няцкай царквы Беларус. Да гэтага часу яе выданн з'яляюцца самым грунтоным, разнапланавым нфарматыным для вывучэння гсторы царконай штодзннасц»⁵⁸.

Кадры духовенства в Белоруссии в это время готовили духовные училища и семинарии. В 1874-1875 они были подвергнуты учебно-административному преобразованию. Согласно новоутвержденному уставу,

в семинарии начали принимать выходцев из разных сословий. Это способствовало увеличению числа желающих получить духовное образование. К концу XX ст. почти все православные священники, служившие в пределах Белоруссии, прошли семинарскую подготовку.

Немаловажным событием в местной церковной жизни стало установление по почину епископа Минского Евгения (Шершилова) (1877-1880) торжественного празднования памяти Св.Кирилла Туровского, до этого пребывавшего в полузабвении. Владыка Евгений подготовил и издал собрание трудов Святителя, озаглавленное, как: «Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского» (Киев. 1880 г.).

В 1888 г. православная общественность Беларуси отметила 900-летие Крещения Руси. Празднование проходило в день памяти киевского князя Владимира. Следующий 1889 г. ознаменовался еще одним юбилеем: 50-летием со времени упразднения унии. В 1900 г. был отмечено 400-летие чудесного обретения Минской иконы Божией Матери. В 1910 г. после долгих ходатайств верующих из Киева в Полоцк были возвращены мощи Преп.Евфросинии.

В это время значительное развитие получила церковно-историческая наука, изучавшая прошлое Беларуси. Начало ей положил еще Св. Георгий Конисский, автор целого ряда исследований в этой области. Его дело продолжила плеяда замечательных ученых, таких как: протоиерей Иоанн Григорович, М.О. Коялович, П.Н. Жукович, С.Г. Рункевич, В.З. Завитневич, К.В. Харлампович, И.А. Чистович, Г.Я. Киприанович, Н.Д. Извеков, Е.Ф. Карский, А.П. Сапунов⁵⁹.

Все они являлись исконными белорусами, любили свою Родину, но не отделяли ее судьбы от будущего общерусской цивилизации. Своими научными исследования-

ми они заложили основу того видения церковной истории Белоруссии, которое и сегодня сохраняет свою значимость и актуальность для нас.

Некоторое расстройство в церковную жизнь начала XX в. внес Указ 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости». Он способствовал тому, что часть прихожан во второй половине 60-х гг. XX в. присоединенных к Православной Церкви, вновь возвратилась в римо-католицизм. «Всего с 17 апреля 1905 г. до декабря 1907 г., по данным обер-прокурора Святейшего Синода, число отпавших из православия в католичество составило по епархиям: 1). Литовская — 18000; 2). Минская — 12901; 3). Гродненская — 5171; 4). Полоцкая — 3952 человек»⁶⁰.

Отпадения совершались в атмосфере нагнетания ненависти к православным со стороны ксендзов, многие из которых прибегали к недостойным выпадам против православных верующих. В проповедях с амвона эти ксендзы называли православную веру «собачьей», а православный крест — «поганым», запрещали своим прихожанам даже из любопытства посещать церкви, говорили им, что лучше зайти в кабак или в синагогу, чем в церковь, что от православных священников смердит собакой, что православные совершают крестные знамения кукишами... Как отмечает А.Ю.Бендин: «некоторые выражения ксендзов о святых таинствах Православной Церкви были настолько грубы и невежественны, что даже не могут быть изложены на бумаге»⁶¹.

Переходам в католицизм по-прежнему способствовали местные помещики римо-католики, во власти которых находилась подавляющее большинство земельных угодий, без пользования которыми крестьяне не могли выжить. Поэтому «нередко были случаи, когда православные крестьяне те-

ряли работу в помещичьих имениях за отказ стать католиками... Встречались факты, когда под гнетом материальной нужды православные, по требованию помещиков и арендатаров, вынуждены были принимать католицизм»⁶².

Накануне начала Первой мировой войны в Белоруссии насчитывалось пять епархий: Минская, Полоцко-Витебская, Литовско-Виленская, Гродненская и Могилевская. На территории этих епархий действовало 3552 церкви, 470 часовен и 35 монастырей⁶³. В Минске, Вильно, Могилеве и Витебске имелось четыре духовных семинарии.

Церковная жизнь в это время развивалась довольно противоречивым образом. Наряду со многими достижениями, в ней существовал ряд проблем, связанных с тем, что она была скована в своем течении синодально-консисторской системой, подавлявшей ее соборность, препятствовавшей более деятельному и активному самовыражению пастырей и мирян. Эти проблемы имели прежде всего нравственную подоплеку и проявлялись в казенном, формально-бюрократическом характере взаимоотношений между представителями государственной власти и священноначалием, архиереями и духовенством, пастырями и паствой...

Кроме того, нарастающими темпами возрастала секуляризация общественной жизни, ее обмирщение и обезбоживание. Свидетельством этого стало резкое сокращение количества действовавших в Белоруссии церковноприходских школ. С 1905 по 1914 г. их число уменьшилось почти в два раза (с 4990 до 2813)⁶⁴.

Проблемы церковной жизни усугубила начавшаяся война. В ходе ее к октябрю 1915 г. войска кайзеровской Германии захватили Западную Беларусь. Почти все православное духовенство покинуло ее пределы (Литовско-Виленская и Гродненская

епархии) и вместе со многими прихожанами выехало на восток... Во внутренние губернии России были вывезены наиболее чтимые иконы, многие колокола, церковно-приходские архивы.

В Восточной Беларуси, на территории свободной от немцев, в различных церковных помещениях (архиерейских подворьях, монастырях, семинариях, духовных училищах) были открыты лазареты для оказания помощи раненым.

Весьма деятельное участие в местной церковной жизни в военные годы проявили отдельные представители духовенства, среди которых выделяется личность Высокопреосвященнейшего Тихона (Белавина), с 1914 до лета 1917 г. занимавшего Литовско-Виленскую кафедру⁶⁵. Человек большого личного обаяния, исполненный глубокой духовной мудрости и безграничной приветливости, владыка Тихон активно посещал в это время те приходы своей епархии, которые оставались на не оккупированной немцами территории; везде служил в переполненных верующими храмах, нередко совершая Литургию под грохот орудий, раздававшийся со стороны фронта...

Если бы примеру владыки Тихона следовали все его архиереи-собратья, и в своих отношениях с паствой ему старалось подражать как можно большее число духовенства, наверно, не случилось бы того, что произошло вскоре. Бедствия, в пучину которых страна была ввергнута с захватом власти большевиками, не оказались бы столь жестокими и кровавыми...

Важнейшим итогом того периода, когда Беларусь входила в состав Российской империи, стало, конечно же, упразднение унии. Принципиально важно отметить здесь то обстоятельство, что процесс ее ликвидации не был сопряжен с теми жестокостями, которые сопутствовали ее насаждению.

Несмотря на многие трудности, связанные с этим сложным процессом, Православная Церковь утвердила свое влияние в землях Беларуси в целом мирным путем и ко времени новых социальных потрясений начала XX в. вновь стала преобладающей конфессией в наших землях.

Таковой она остается и до сих пор, что было бы немыслимо, если бы в конце XV ст. не прекратила свое политическое существование Речь Посполитая, являвшаяся чуть ли не раем для шляхты и адом для простого белорусского народа... Не случайно, и весьма показательно, что этот народ в своем подавляющем большинстве остался безучастен ко всем польским восстаниям (1794, 1830-31, 1863 гг.), преследовавшим цель возрождения Речи Посполитой. За исключением местной полонизированной шляхты, белорусы не поддержали этих восстаний, так как не считали РП государством, которое отражало бы их интересы.

Наконец, нельзя не отметить, что благодаря постепенному восстановлению позиций Православной Церкви в XX — начале XX вв., произошла реанимация исторической памяти белорусов. Они обрели возможность более отчетливо заглянуть, как в свое недавнее историческое прошлое, когда Православие подвергалась гонениям со стороны католиков и униатов, так и в события древних столетий отечественной истории, когда были посеяны первые семена веры Христовой в их землях.

Примечания

¹ Горючко, П. Материалы для истории церквей Белоруссии конца XV — начала XX стст. / П. Горючко. — Могилев, 1903. — С. 8.

² Рункевич, Ст. История Минской архиепископии (1793-1833) / Ст. Рункевич. — Санкт-Петербург. — С. 263.

³ Киприанович, Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в

- Белоруссии и Литве / Г.Я. Киприанович. — Минск, 2006. — С. 249-250.
- ⁴ Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. — Могилев, 1910. — Т. 1. — Вып. 2. — Ч. 2. — С. 46.
- ⁵ Рункевич, С.Г. Указ. соч. — С. 311.
- ⁶ Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772—1860 гг. / Е.Н. Филатова. — Минск, 2006. — С. 31.
- ⁷ Там же. — С. 91.
- ⁸ Там же. — С. 83.
- ⁹ Сапунов, А.П. Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен / А.П. Сапунов. — Витебск, 1889. — С.120.
- ¹⁰ Киприанович, Г.Я. Указ., соч. — С.252.
- ¹¹ Коялович, М.И. Чтения по истории западной России / М.И. Коялович. — Минск, 2006. — С. 302.
- ¹² Бобровский, П.О. Русская Греко-униатская церковь в царствование Александра / П.О. Бобровский. — Санкт-Петербург, 1890. — С. 31.
- ¹³ Beauvois, D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803 — 1832. / D. Beauvois. — Rzym-Lublin, 1991. — Т. 2. — S. 149.
- ¹⁴ Likowski, E. Dzieje Kosciola unickiego na Litwie i Rusi w XV — XX w. / E. Likowski — Warszawa, 1906. — S. 81.
- ¹⁵ Последним униатским архиереем, носившим бороду, до Ираклия (Лисовского) был Полоцкий архиепископ Флориан (Гребницкий) (+1762).
- ¹⁶ Киприанович, Г.Я. Указ. соч. — С. 253.
- ¹⁷ Бобровский, П.О. Указ. соч. — С. 164.
- ¹⁸ Петров, Н. Очерк истории Базилианского ордена в бывшей Польше / Н. Петров. // Труды Киевской духовной академии. — 1872. — 1. — С. 220.
- ¹⁹ Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. — Минск, 2004. — С. 329.
- ²⁰ Трудно сказать, что заставило его поступить подобным образом. Родом из крестьян, владыка Варлаам отличался сильным характером и немалыми способностями. Окончив Переяславскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию, он преподавал богословие, был игуменом Виленского Свято-Духова монастыря. После ареста епископа Виктора (Садковского) поляками, отказался принести присягу на верность Речи Посполитой и бежал в Россию. В 1795 г. его возвели в сан епископа Житомирского, vicария Минской епархии. С 1805 г. он служил в Могилеве. В 1813 г. его лишили архиепископского сана и он, как простой монах, был определен на жительство в Преображенский монастырь Новгород-Северска. Находясь в нем, Варлаам ослеп, так как постоянно плакал о содеянном. Его богатая библиотека была передана в Черниговскую духовную семинарию.
- ²¹ Левый, Вячеслав, священник. Церковно-исторические события Отечественной войны 1812 г. в Белоруссии. Дипл. работа / священник Вячеслав Левый. — Жировичи, 2002.
- ²² Филатова, Е.Н. Указ. соч. — С. 64.
- ²³ Марозава, С. Моная палтыка практыка няцкай царквы Беларус / С. Марозава // 3 гсторы няцтва Беларус. — Минск, 1996. — С.112.
- ²⁴ РГИА в Санкт-Петербург Ф. 834. Оп. 3. Д. 3261; 3267.

- ²⁵ РГИА в Санкт-Петербург Ф. 797. Оп. 4. Д. 14074. Л. 42-42-об.
- ²⁶ Там же. — Л. 38-39.
- ²⁷ Наиболее тенденциозно подобные взгляды на унию выражены в книге Леонида Лыча «Унияцкая царква Беларус: этнакультурны аспект. — Минск, 2011.
- ²⁸ Шавельский, Г. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии (1833-1839 гг.) / Г. Шавельский. — Санкт-Петербург, 1910. — С. 32.
- ²⁹ Асейчыка, Дзянс. Указ., соч. — С. 119.
- ³⁰ Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные императорской академией наук по завещанию автора. — Санкт-Петербург, 1883. — Т.1. — С. 99.
- ³¹ Там же. Т. 1. — С. 95.
- ³² Там же. Т. 2. — С. 9.
- ³³ Там же. Т. 2. — С. 24.
- ³⁴ РГИА в Санкт-Петербург Ф. 797. Оп. 87. Д. 16. Л. 3-об.
- ³⁵ Шавельский, Г. Указ. соч. — С. 126.
- ³⁶ Данный вывод детально аргументирован в недавно изданной на правах рукописи монографии протоиерея Александра Романчука «Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: жизнь и служение» (Минск, 2011).
- ³⁷ Белоруссия и Литва... С. 350.
- ³⁸ Киприанович, Г.Я. Указ. соч. — С. 269.
- ³⁹ Миловидов, А.И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М.Н. Муравьеве / А.И. Миловидов. — Вильно, 1904. — С. 5.
- ⁴⁰ Наумович, И. Пятидесятилетие (1839-1889) воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения в 1839 г. / И. Наумович. — Санкт-Петербург, 1889. — С. 55-62.
- ⁴¹ Щеглов, Г.Э. Год 1863. Забытые страницы / Г.Э. Щеглов. — Минск, 2007. — С. 50.
- ⁴² Гродненский православно-церковный календарь или Православие в Брестско-Гродненской земле в конце XX в. — Воронеж, 1899. — Т. . — С. 376.
- ⁴³ Щеглов, Г.Э. Указ. соч. — С. 61—62.
- ⁴⁴ Там же. — С.351—352.
- ⁴⁵ Мосолов, А.Н. Виленские очерки: (Муравьевское время): 1863—1865. / А.Н. Мосолов. — Санкт-Петербург, 1898. — С. 27.
- ⁴⁶ Донар-Запольск, М.В. Гсторыя Беларус / М.В. Донар-Запольск. — Минск, 1994. — С. 277.
- ⁴⁷ Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русский Собеседник. — 1902. — 6. — С. 497-498.
- ⁴⁸ Полевой, Н.К. Два года — 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии / Н.К. Полевой // Русский Собеседник. — 1910. — 2. — С. 259.
- ⁴⁹ Миловидов, А.И. Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. — Харьков., 1900. — С. 76.
- ⁵⁰ Там же. — С. 81, 83.
- ⁵¹ В 1808 — 1831 гг. в здании бывшего кафедрального Пречистенского собора католи-

ки не нашли ничего лучше, как разместить университетский анатомический театр и ветеринарную клинику со скотолечебным отделением. Пятницкая церковь пребывала без крыши и в развалинах. Св. Никольский храм также нуждался в срочном капитальном ремонте (Шлевис, Герман. Православные храмы Литвы / Герман Шлевис. — Вильнюс, 2006. — С. 42, 58, 96).

⁵² Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ / А.А. Комзолова. — Москва, 2005. — С. 188.

⁵³ Бендин, А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.) / А.Ю. Бендин. — Минск, 2010. — С. 42.

⁵⁴ Там же. — С. 32.

⁵⁵ Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси / П.Г. Чигринов. — Минск, 2000. — С. 231.

⁵⁶ Бендин, А.Ю. Указ. соч. — С.131.

⁵⁷ обстоятельный обзор этих публикаций представлен в кандидатской диссертации иерея Павла Чистякова «Церковно-краеведческая проблематика епархиальных ведомостей, издававшихся в Белоруссии во второй половине XX —

начале XX столетий». (Жировичи, 2004).

⁵⁸ Лсейчыка, Дзянс. Указ. соч. — С. 27.

⁵⁹ Теплова, В.А. Православная историко-культурная школа Беларуси конца XV — начала XX вв.: генезис и традиции / В.А. Теплова // Труды Минской духовной академии. — 2007. — 5. — С.64-74.

⁶⁰ Бендин, А.Ю. Указ. соч. — С. 275.

⁶¹ Там же. — С. 311-312.

⁶² Там же. — С. 277

⁶³ Афанасий, (Мартос), архиепископ. Беларусь в государственной, исторической и церковной жизни / архиепископ Афанасий (Мартос). — Буэнос-Айрес, 1966. — С. 243.

⁶⁴ Снапкоская, С.В. Адукацыйная палтыка школа на Беларус канцы XX — пачатку XX ст. / С.В. Снапкоская — Минск, 1998. — С. 15.

⁶⁵ Замечательную книгу об этом Святителе, посвященную времени его пребывания на Литовско-Виленской кафедре, написали Ирина Арефьева и Герман Шлевис. Она называется «Примите меня в свою любовь» (Вильнюс, 2008).